

УДК 1(091)

С. Р. Матвеев

ИСТОКИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ФРАНСУА ГИЗО¹

Рассмотрена ранняя биография и первые опыты интеллектуальной работы Франсуа Гизо (1787–1874). Анализ позволяет выявить обстоятельства и события, которые содействовали формированию политико-философских взглядов французского философа. Реконструированы интертекстуальные связи биографических сюжетов и политико-философской теории Гизо.

This article focuses on the early biography and first intellectual experiments of François Guizot (1787–1874). The analysis reveals the circumstances and events that contributed to the formation of political and philosophical ideas of the French thinker. The article reconstructs the inter-textual connections of Guizot's biography and political theory.

Ключевые слова: Франсуа Гизо, биография, интеллектуальная история, формирование философии, воспоминания.

Key words: François Guizot, biography, intellectual history, formation of philosophy, memories.

Философия Франсуа Гизо – плод трагичной семейной истории, блестящей государственной карьеры и исследовательской работы, принесшей европейскую славу. Обращение к биографии и первым опытам интеллектуальной работы позволяет выявить обстоятельства и события, которые содействовали формированию политико-философских взглядов Гизо. Задача настоящей статьи заключается в реконструкции интертекстуальных связей биографических сюжетов с философской теорией французского мыслителя.

Франсуа Пьер Гийом Гизо родился 4 октября 1787 г. в протестантской семье в городе Ниме (провинция Лангедок на юге Франции). Однако друзья отмечали, что у Гизо был характер «человека севера», парижская культура и английские манеры [8, р. 13]. Родители будущего философа были тайно обвенчаны кальвинистским священником в 1786 г., и появление ребенка на свет не было официально зарегистрировано [7, р. 5–6]. Их род сохранял непокорность католицизму со времен эдикта Фонтенбло (1685) и вплоть до Версальского эдикта (1787), гарантировавшего гугенотам свободу вероисповедания и гражданские права. После

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Прошлое как ресурс гуманитарной и социальной теории», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

прекращения преследований протестантов родители Гизо отошли от прежнего религиозного фанатизма и заняли «философские» позиции. Воспоминания о притеснениях протестантов сделали Гизо убежденным сторонником религиозной терпимости, светского образования и противником всяких попыток проникновения католической церкви в разные сферы жизни общества.

Детство Франсуа было отмечено восторженным присоединением его родителей к новым идеям и реформам. Отец будущего философа Андре Гизо был молодым «благовоспитанным адвокатом» [7, р. 6] с безупречной репутацией, блестящими перспективами [8, р. 14] и талантом оратора. Много лет спустя, когда Гизо уже был влиятельным политиком, мать напоминала ему: «Ты унаследовал талант своего отца» [8, р. 15]. Андре Гизо принял и поддержал первые мероприятия революции 1789 г. и примкнул к клубу якобинцев, а затем к партии жирондистов. Начиная с 1792 г. он последовательно выступал против политики насилия и централизации, а также критиковал экстремизм робеспьеристов. Во время «дела жирондистов» на Андре Гизо был написан донос, автор которого обвинял адвоката в «федерализме и умеренности» [8, р. 15–16]. После безуспешных попыток найти убежище отец Гизо был схвачен. Оба его малолетних сына — четырех и шести лет — присутствовали с матерью на заседании суда в момент оглашения приговора, согласно которому Андре Гизо был гильотинирован 8 апреля 1794 г. [7, р. 7].

Гизо никогда не вспоминал публично об этом времени, однако сам факт казни родителя экстремистским правительством оказал несомненное влияние на отношение будущего мыслителя к радикализму. Биографы склонны считать, что это событие нанесло Гизо психологическую травму и «заронило в душу первые семена той ненависти и того презрения к человечеству, которые, скрываясь под внешне холодными и бесстрастными манерами министра-консерватора, при каждом удобном случае невольно проявлялись наружу» [1, с. 695]. Не случайно его немногочисленные друзья имели схожую судьбу — остались сиротами по вине гильотины. К слову, безоговорочно поддержанный Гизо «король французов» Луи-Филипп также потерял своего отца Филиппа Эгалите в годы якобинской диктатуры. Можно с определенной уверенностью предположить, что консерватизм философа возник под влиянием кровавых сцен Французской революции. Ш. Сент-Бёв утверждал, что Гизо всю жизнь помнил страшные дни террора [7, р. 7]. В будущем Гизо часто сталкивался с необходимостью выбора между свободой и порядком, и именно воспоминания о революции помогали ему сделать этот выбор.

Четвертого сентября 1797 г. в Ниме начались волнения. Консервативная протестантская буржуазия, к которой принадлежала семья Гизо, стремилась к порядку, а республиканцы, поддерживаемые парижской властью, вновь начали преследовать нелояльных и «подозрительных». Мадам Гизо захотела избавить своих сыновей от опасностей, связанных с новым конфликтом, который вызывал у нее ужас. Второй родиной

нимских протестантов была Женева, вошедшая 26 апреля 1798 г. в состав Французской республики, вследствие чего туда можно было уехать, не эмигрируя.

В конце августа 1799 г. семья перебралась в Женеву, где открывались возможности для получения хорошего образования. Следующие пять лет стали важным этапом в развитии Франсуа. «Женева — моя интеллектуальная колыбель», — напишет Гизо своему ученику шестьдесят лет спустя [8, р. 18]. Он отметит также: «В Женеве я получил очень либеральное образование, но в строгих порядках и набожных верованиях, развивших во мне не удивление к заслугам и влиянию философии восемнадцатого столетия, а враждебное к ней чувство» [13, р. 8]. Сначала будущий философ обучался в гимназии, основанной Кальвином, где освоил классические языки и греческую литературу. В юности Гизо выучил пять языков (латынь, греческий, итальянский, английский и немецкий), каждый из которых пригодится ему в зрелые годы.

В 1801 г. Франсуа поступил в Женевскую академию, где занимался риторикой, арифметикой, геометрией, то есть получил среднее образование. Методика обучения была либеральной и оставляла за учениками право выбора тем для углубленных занятий, также существовала возможность создавать литературные общества. В 1803 г. Гизо перевелся с филологического отделения и начал слушать курс философии. Вспоминая об этом, он признавался: «Только тогда я начал жить» [13]. Юноша получает удовольствие от интеллектуальной работы, увлеченность которой отвлекала от повседневного однообразия и скудости быта. Он долгие годы хранил педантичные конспекты, свидетельствующие о жадности, с которой он получал знания.

Сильнее всего на Гизо влияли два преподавателя: Пьер Прево и Шарль Пешье. Профессор философии П. Прево — эрудит, член многих иностранных академий, яркий сторонник «идеологии», уходящей корнями в просветительское движение, последователь И. Канта, Э. Кондильяка и А. Дестют де Траси. Он читает лекции по «рациональной философии» (логике). Ш. Путас, а за ним и Г. Брольи считают, что в этом образовании можно искать «первый трепет доктринерской мысли» [7, р. 20; 18, р. 100].

Строгий пастор Ш. Пешье преподает Франсуа мораль и физику. Именно на этих занятиях приобретают свой размах способности Гизо к абстрактному теоретическому мышлению и обобщениям [8, р. 20], которые в полной мере проявятся на страницах «Истории цивилизации в Европе» (1828). Пешье, последовательный критик философии Просвещения и ее главного социального результата — Французской революции, стремился привить эти убеждения своим ученикам, о чем последние неоднократно вспоминали [13, р. 8]. Именно в это время в манерах Гизо появляются высокомерие, аристократизм, а в суждениях — брезгливое отношение к прямой демократии и «праву улицы».

Особым источником политических воззрений Гизо являлся английский опыт. Во времена континентальной (1806—1814) блокады Женева была единственным городом наполеоновской империи, поддерживав-

шим тесные отношения с Англией. Английская литература попадала в наполеоновское государство через швейцарский город. Благодаря этому Гизо овладел английским языком, освоил многие тексты островных философов, приобрел привычку систематически читать лондонские периодические издания и узнавать английский взгляд на современные события.

В эти же годы мадам Гизо продолжала следовать воспитательной концепции Руссо [7, р. 8], которая была изложена в «Эмиле». В раннем детстве (до двух лет) — физическое воспитание, от двух до двенадцати лет — воспитание чувств, от двенадцати до пятнадцати — умственное, а от пятнадцати до восемнадцати лет происходит нравственное воспитание [5]. Она считала, что ребенок каждый день должен заниматься физической работой. Гизо выучился столярному и токарному искусству, мог своими руками изготавливать мебель. Он был физически сильным юношей и прекрасным наездником, а также отличался высокой работоспособностью [7, р. 9]. Вместе с тем он вел однообразную жизнь, лишённую многих радостей его возраста. Примечательно, что в своих мемуарах Гизо опустил все детали, касающиеся собственного детства.

С юных лет круг чтения Гизо был потрясающе широк: от трактатов греческих философов и отцов церкви до работ просветителей. Из последних он чаще упоминает Ш.-Л. Монтескьё [13, р. 396; 14, р. 404–405], которого вместе с А. Р. Тюрго и Ж. Л. д'Аламбером называет «благородными либералами» [14, р. 398]. В будущем, обсуждая поправки в законопроект «О разделении производства при расследовании преступлений гражданских и военных лиц» (1837), он ссылается на Монтескьё как на авторитет, повторяя “*comme dit Montesquieu*” [16, р. 441], что крайне нехарактерно для Гизо-политика. Вольтер, Руссо и Дидро — представители «неверующей партии» (*parti incrédule*) [13, р. 274] — иногда становятся объектом критики [13, р. 378], но чаще являются для Гизо лишь персонажами прошлого, которыми он мало интересуется [14, р. 405]. С юных лет и на всю жизнь любимыми для Гизо становятся сочинения Фукидида, Саллюстия, Цезаря, Тацита и Макиавелли [13, р. 3]. Благодаря годам, проведенным в Женеве, Гизо овладел немецким языком, сыгравшим большую роль в его дальнейшем развитии. После того, как Франсуа достиг восемнадцати лет, а именно в этом возрасте заканчиваются образовательные циклы методики «Эмиля», мать отпустила его в Париж для получения юридического образования.

Таким образом, не совсем точны утверждения тех исследователей, которые полагают, что мировоззрение Гизо выработано им самостоятельно, «без каких-либо семейных влияний» [4, с. 173; 18, р. 19]. Мадам Гизо оказала большое воздействие на формирование характера и привычек старшего сына: от нее он получил как умение быстро принимать решения, энергичность и последовательность, доходящую до упрямства, так и аскетизм, и умеренность [13, р. 11]. О тесной эмоциональной связи между матерью и сыном говорят скупые мемуарные заметки, в которых Гизо признается, что порой он устает от политического спектакля и готов отдать многое ради нескольких недель, проведенных с

матерью [13, р. 25]. Она присутствует даже при дипломатических переговорах, которые проходили в парижском особняке Гизо в его бытность министром иностранных дел [16, р. 120–121]. Все свидетельствует о большой значимости для него традиционных семейных ценностей. Впоследствии самые непримиримые оппоненты Гизо никогда не могли уличить его в коррупции и нравственной нечистоплотности. Даже в полемическом пылу они скорее готовы были предположить связь влиятельного министра с дьяволом, чем обвинить его в хищениях, воровстве или неразумной роскоши, столь распространенных во времена Июльской монархии. Близость Гизо с матерью обнаружится и в 1848 г., когда они вместе покинут охваченную революцией Францию.

В начале сентября 1805 г. Гизо приехал в Париж и записался в школу права [8, р. 22–23], где в полной мере раскрылись его ораторские способности. Каждое воскресенье организовывались коллоквиумы, на которых студенты вели тяжбу с адвокатами. Франсуа преуспел в прениях и обратил на себя внимание наставников. Однако он разочаровался в избранной профессии и понял, что хочет большего, чем работа юристом. В августе 1806 г. он сдал экзамены и покинул школу.

В 1806 г. Гизо — завсегда́тай салона мадам де Ласкур — присоединяется к франкмасонству и вскоре попадает в важнейшие интеллектуальные круги своего времени, завязав знакомство с Ж. де Сталь. Ф.Р. Шатобриан, автор «Гения христианства», стал для Гизо интеллектуальным кумиром, однако дух этого философского трактата можно обнаружить только в поздних сочинениях самого Гизо [10–12]. Конфессиональная принадлежность не сыграла сколько-нибудь значительной роли и не отразилась ни в одном из политических текстов мыслителя за пределами формальных риторических ссылок на «волю Провидения» и «глас Божий».

Если знакомство с Шатобрианом состоялось лишь заочно, то с Ж. де Сталь Гизо вступил в переписку, которая привела к скорой встрече. Двадцать восьмого августа 1807 г. влиятельнейшая фигура французского политического либерализма мадам де Сталь приняла малоизвестного журналиста, который еще не был автором ни одного серьезного сочинения. За ужином гость сидел по правую руку от хозяйки, которая сделала ему предложение присоединиться к ее «партии»: «Я уверена, что вы хорошо сыграете в трагедии; оставайтесь с нами и займите место в “Андромaxe”» [13, р. 12]. Гизо был польщен предложением, но вежливо отказался.

В 18 лет Гизо поступил учителем в доме бывшего швейцарского министра, а в 1805 г. швейцарского представителя в Париже Ф.-А. Стапфера [7, р. 13]. Отец учеников был для Гизо не просто работодателем, но в известной степени другом и наставником (*guide intellectuel*). В политике Стапфер был последовательным сторонником умеренного либерализма, но не демократии, он выступал против всеобщего избирательного права, прибегая к аргументу Монтескье, согласно которому массы невежественны и не могут ценить свободу личности. Избирательный ценз должен отсеять тех, кто «находится в столь низком состоянии, что считается не имеющим собственной воли» [3, с. 277].

Посол позволял гувернеру, готовившему свои первые статьи, без ограничений пользоваться своей богатой библиотекой. В этих публикациях часто встречаются слова благодарности, адресованные покровителю и наставнику. Например, во вводной статье к переводу «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона Гизо писал: «Если в моем труде найдут какие-нибудь достоинства, мне придется пожалеть только о том, что я не буду в состоянии с точностью определить, какой именно долей этих достоинств я обязан господину Стапферу» [2, с. 29].

По поводу значения фигуры посла в собственной жизни Гизо замечал:

Я также позволю себе упомянуть о том, как много я обязан советам человека, столько же просвещенного, сколько опытного в тех исследованиях, которыми мне предстояло заняться. Без знаний, которые я черпал в библиотеке Стапфера, я очень часто затруднялся бы отыскать сочинения, в которых я мог найти достоверные сведения, и многие из этих сочинений, без сомнения, остались бы для меня вовсе неизвестными [2].

Таким образом, швейцарский посол обогащал Гизо в одно и то же время и своими советами, и своими книгами.

Страстный кантианец, Стапфер помог Гизо усовершенствовать немецкий язык, а также познакомил будущего философа с учением И. Канта и философским движением в современной ему Германии. Чтение и анализ «Критики чистого разума» сделал Гизо кантианцем [8, р. 29]. В это же время по инициативе Стапфера юный мыслитель вступает в переписку с Ш. де Виллером, который с 1793 по 1799 г. жил в Берлине и прекрасно знал немецкую философию, а после возвращения стал пропагандистом Канта во Франции.

В воспоминаниях Гизо признавался, что сразу после приезда в Париж немецкая философия и литература стали предметом его любимых штудий: «Я читал Канта и Клопштока, Гердера и Шиллера гораздо больше, чем Кондильяка и Вольтера» [13, р. 8]. Немецкие философы в его понимании несли «дух истинной свободы» и учили уважать права других. «Я больше узнал от них, чем из всей практической деятельности того времени» [13, р. 8], — писал Гизо. Он отмечал также, что во французских интеллектуальных кругах его «немецкий энтузиазм» выглядел странно: «Некоторые принимали его со снисходительной улыбкой, но в основном это было просто безразличие» [13, р. 8]. В зрелые годы Гизо обращался к Канту и немецкой мысли значительно реже.

В 1807 г. у Стапфера Гизо познакомился с Ж. Б. Сюаром, который взял юного интеллектуала под свою протекцию. Сюар, прославленный литератор, член Французской академии (1772), издатель роялистских «Политических новостей» («*Nouvelles politiques*») при директории, а при Наполеоне — секретарь академии и главный редактор «Публициста» («*Le Publiciste*»), скептически относился к немецкой философии и кантианству Гизо. Несмотря на разницу в возрасте (в 1808 г. Сюару было 76 лет), между академиком и юным журналистом сложились дружеские отношения. Они много беседовали о философии, литературе, искусстве,

современной политике, а иногда разговаривали «без цели и необходимости, ради удовольствия интеллектуального общения» [14, р. 409]. Впоследствии Гизо вспоминал, что в словах Сюара он чувствовал «искренность и бескорыстие духа» собеседника [14, р. 409]. Академик, как и Стапфер, стоял на «философских» и либеральных позициях, а также был последовательным сторонником конституционной монархии и избирательного ценза (в свое время Сюар был близким другом и единомышленником Кондорсе, идеи которого многократно всплывали в беседах с Гизо). Благодаря Сюару Гизо получил «уроки подлинно французского разума» [8, р. 29], что уравнило немецкое влияние Стапфера. Именно в салоне редактора встретились будущие доктринеры, и началась полувековая дружба Шарля де Ремюза, Франсуа Гизо и Проспера де Баранта.

В возрасте двадцати лет Гизо считался поэтом. Вкусы времени принесли популярность напыщенным одам, элегиям и трагедиям. Претензии Гизо как поэта были распалены первым, анонимным, контактом с Шатобрианом. Юный Франсуа передал властителю дум письмо с поэмой. Шатобриан послал благосклонный ответ с тем же курьером: «Я прочитал поэму неизвестного с удовольствием...» [8, р. 25]. Благодаря довольно слабой с литературной точки зрения элегии на смерть Генриха IV, 29 декабря 1807 г. Гизо был избран членом академии департамента Гара [8, р. 30]. Однако в будущем он предпочитал никогда не вспоминать об этом литературном опыте, в том числе на страницах мемуаров.

Первым опубликованным текстом Гизо стал «Обзор философии и литературы за 1807 год», напечатанный в «Публицисте» Сюара [13, р. 9–11]. Именно плодотворное сотрудничество с этим журналом принесло Гизо признание парижских литературных кругов. Позже были статьи для исторического сборника Ж. Мишо «Всеобщая биография» («*Biographie Universelle*»). Затем вышла книга – лучший на момент издания «Новый словарь синонимов французского языка» [17]. Гизо переводит с немецкого языка очерк Г. Рефуса «Испания в 1808 году», пишет обзор «О состоянии изящных искусств во Франции и о Салоне 1810 года» [9], компилирует «Биографии поэтов века Людовика XIV» (1813). Это был дебют долгой и удивительной интеллектуальной карьеры, которая закончится семьдесят лет спустя. Ж. Симон впоследствии скажет: «Гизо жил и работал в течение века» [19, р. 221].

Сложно переоценить значение площадки, предоставленной Сюаром на страницах «Публициста», для того признания, которое получил молодой Гизо. Немаловажным оказался и исключительно выгодный контракт: издатель платил литератору 200 франков в месяц за восемь статей. «Сюар, возглавлявший журнал, любезно потакал моим желаниям... Он позволил мне сделать карьеру», – вспоминал Гизо впоследствии [13, р. 9–10]. И не только карьеру. У Сюара же Гизо встретил Полину де Мелан, блестящего литератора с европейской репутацией, автора многочисленных работ по истории образования, женщину на четырнадцать лет старше его. Она принадлежала к либеральной ари-

стократии Старого порядка, многое потеряла во время революции и вынуждена была зарабатывать на жизнь литературной деятельностью, в частности сотрудничеством в «Публицисте».

Знакомство Гизо с П. де Мелан переросло в удивительно плодотворный творческий союз: с 1807 до 1810 г. они опубликовали двести сорок восемь статей, посвященных главным образом обзору иностранной литературы. Уже в этой литературной критике Гизо проявился как независимый автор, который не ограничивается комментариями к отдельным выдержкам из сочинений, а практически всегда стремится создать определенную концепцию и встроить проблему в широкий контекст.

36

Скрепя сердце Сюар позволял Гизо быть порой «слишком немецким», а иногда «слишком христианским», что в целом противоречило духу «Публициста» [8, р. 30]. Именно поэтому редактор, заказывая рецензию на новый роман Шатобриана «Мученики» (1809), просил автора писать, руководствуясь вкусом, а не верой [8, р. 30]. Книга была холодно встречена в парижских интеллектуальных кругах, потому что учение Вольтера и его последователей имело большое влияние среди либералов. Мнение Гизо было совершенно иным, он страстно удивился Шатобриану, его чувствам и языку: «Эта потрясающая смесь религиозных чувств и романтических тенденций, поэзии и моральной полемики подействовали на меня так сильно... Видя жестокие нападения, посыпавшиеся на них, я решился защищать их...» [13, р. 9]. После публикации отзыва, литературные способности Гизо привлекли благосклонное внимание Шатобриана, который был польщен молодостью талантливого критика [13, р. 9]. О своем одобрительном отношении Шатобриан сообщил в письме от 12 мая 1809 г. [13, р. 377]. Даже много лет спустя Гизо был благодарен Шатобриану за доброжелательное отношение к той рецензии [13, р. 8–12]. Между Гизо и Шатобрианом завязалась дружеская переписка, которой не суждено было стать продолжительной. Политические интересы, оказавшиеся сильнее всякой признательности и взаимной расположенности, легли непреодолимой бездной между двумя корреспондентами.

Своими статьями Гизо завоевал уважение таких разных интеллектуалов, как Ж. Лакретель, К. Жордан, Ш. де Виллер, М. де Монморанси, а также получил широкую известность как во Франции, так в Германии и Швейцарии. Он становится желанным автором во многих изданиях, таких как «Европейский литературный архив» («*Archives littéraires de l'Europe*»), «Меркурий» («*Le Mercure*»), Стапфер делает Гизо корреспондентом «Заметок о новейшей космогонии» («*Miscellen für die Neueste Weltkunde*»), издаваемого в Швейцарии.

Несмотря на успехи в журналистике Гизо не чувствовал себя на месте. Для этой профессии он слишком отвлечен от реальности и любит абстракции. К тому же он не очень уважает свою читательскую аудиторию и хочет чего-то большего. Именно Полина де Мелан определяет его настоящее предназначение: «Вы говорите всегда лучше о вещах, чем о книгах... Ваш талант, мне кажется, принадлежит истории» [8, р. 31].

В 1810 г. «Публицист», как и «Французский вестник» («*Gazette de France*»), стремительно теряет свой объем, превращаясь в «носовую платок», и переходит под контроль правительства, а в конце года прекращает свое существование. С 1811 по 1813 г. Гизо с П. де Мелан совместно издают «Анналы образования» («*Annales de l'éducation*») [13, р. 14], в котором печатают статьи по истории и методике воспитания детей (всего вышло 6 томов издания). Каждый номер состоял из трех больших статей, рассказа, рецензии и библиографии новейших изданий, связанных с проблемами образования. Дух времени и зоркость министра полиции А. Ж. Савари заставили исключить из журнала даже неочевидные намеки на политику. Формат издания во многом был продиктован строжайшей цензурой, запрещавшей обсуждение многих проблем.

37

В 1812 г. Гизо женится на Полине де Мелан, которая приняла протестантизм. Вместе они проживут до ее смерти в 1827 г. Интеллектуальное сообщество, в которое Гизо попал благодаря жене, оказало значительное воздействие на формирование его мировоззрения. Большая часть друзей супруги Гизо были выходцами из салонов Старого порядка и являлись сторонниками конституционной монархии. Полина познакомила Гизо с Буфлером, Констаном, Гаратом, Дюпоном де Немуром и др. [8, р. 34–35]. Франсуа был очарован их большой известностью и интеллектуальным влиянием, но вступил с ними в диалог на равных. Гизо собрал еще живые воспоминания о философии Просвещения. В это же время он отходит от Стапфера, общества германистов и концентрируется на французской мысли и французской политике.

Гизо любил вспоминать, что оказался в «очаровательной компании» людей, которые прошли великие испытания и сейчас делились своими воспоминаниями. Это были интеллектуалы Старого порядка, обладавшие вкусом к жизни, их имел в виду Талейран, заметивший: «Кто не жил до 1789 г., тот не знает, что такое жизнь в удовольствие» [13, р. 6]. Подводя итог своей жизни в 1807–1812 гг., Гизо писал о своем окружении в этот период:

Не то, чтобы я в то время был очень обеспокоен политикой или тем, что свобода мне не доступна. Я жил в оппозиционном обществе, но оппозиция [эта] мало походила на ту, развитие которой мы видели на протяжении последующих тридцати лет. Это были обломки философского мира и либеральной аристократии XVIII в., последние представители тех салонов, в которых думали и говорили обо всем свободно, все подвергали критике, все обещали и на все надеялись [13, р. 5–6].

В 1812 г. в Сорбонне Гизо подружился с известным профессором философии П. П. Руаие-Колларом, философско-исторические взгляды которого заинтересовали молодого преподавателя еще в период Империи. Впоследствии Гизо лаконично напишет о людях, оказавших на него самое значительное влияние. Среди них он назовет мать, Полину де Мелан и Руаие-Коллара [13, р. 42]. Политические взгляды последнего были близки Гизо, а их непоколебимость пленяла. Руаие-Коллар был строгим янсенистом, сторонником конституционной монархии и по-

следовательным противником любых революционных идей и экстремизма. Он яростно атаковал вольтерьянство и идеологов [13, р. 20], будучи убежденным, что эти течения нанесли Франции огромный вред и должны принадлежать исключительно прошлому. Догматизм и логика сочетались у Руайе-Коллара с романтическим воображением и литературным стилем научных текстов. В лекциях он объединял факты в абстрактные категории и доктрины, утверждая, что теоретичность — важное свойство науки.

Руайе-Коллар взял молодого Гизо под опеку, и годы спустя, когда их пути разойдутся, Гизо не изменит свое теплое отношение к наставнику: «Он сделал намного больше, чем пара услуг на благо моей карьеры. Он способствовал моему внутреннему и личному развитию, а также открыл для меня перспективы [философского исследования]» [13]. Руайе-Коллар ввел Гизо в философские круги и познакомил его с А. Ампером, Э. Галуа и В. Кузеном.

Истоки политической философии Гизо можно охарактеризовать следующим образом. Принадлежа к протестантской семье, испытывавшей трудности во времена религиозных притеснений, он был последовательным приверженцем религиозной терпимости. Потеряв отца в годы революционного террора, Гизо отрицательно относился к политическому экстремизму и слабому государству, которое способно допустить народные волнения. Благодаря матери он получил прекрасное воспитание, привившее ему аскетизм, религиозность и способность к упорному труду. В Женеве Гизо обрел фундаментальное образование и научился «суровой методе находить строгие связи между отдельными фактами». Швейцарские годы открыли для Гизо английскую философскую традицию и вкус к английскости в целом. Немецкую мысль, оказавшую большое влияние на исторический метод, Гизо воспринял через Стапфера и его окружение, а во французские интеллектуальные круги своего времени он оказался вхож благодаря Сюару и П. де Мелан. В их салонах он познакомился с последователями философии Просвещения и либеральными политиками времен Французской революции. Во взглядах Гизо равным образом присутствовали либеральные и консервативные ценности: недоверие к слабому государству и религиозная терпимость, отрицание революционного пути развития и почтение к философии просветителей, отрицание народной демократии и ненависть к авторитарному диктату.

Список источников и литературы

1. Гизо и его «Записки» // Отечественные записки. 1858. Т. 118, №5—6. С. 690—713.
2. Гизо Ф. Предисловие // Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 1. СПб., 2006. С. 4—29.
3. Монтескьё Ш. Дух законов. СПб., 1839.
4. Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. 1815—1830. Л., 1956.
5. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М., 1981.
6. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.

7. *Bardoux A.* Guizot. P., 1894.
8. *Broglie G.* Guizot. P., 1990.
9. *Guizot F.* De l'état des Beaux-Arts en France et du Salon de 1810. P., 1810.
10. *Guizot F.* Méditations sur l'essence de la religion chrétienne. P., 1864.
11. *Guizot F.* Méditations sur l'état actuel de la religion chrétienne. P., 1866.
12. *Guizot F.* Méditations sur la religion chrétienne dans ses rapports avec l'état actuel des sociétés et des esprits. P., 1868.
13. *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1858. Vol. 1.
14. *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1859. Vol. 2.
15. *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1860. Vol. 3.
16. *Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1861. Vol. 4.
17. *Guizot F.* Nouveau Dictionnaire universel des synonymes de la langue française. P., 1809.
18. *Phouthas Ch.-H.* La Jeunesse de Guizot (1787–1814). P., 1936.
19. *Simon J.* Thiers, Guizot et Rémusat. P., 1885.

Об авторе

Сергей Рафисович Матвеев — канд. филос. наук, ст. науч. сотр. ИГИТИ НИУ ВШЭ, ст. преп. Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Москва.

E-mail: smatveev@hse.ru

About the author

Dr Sergey Matveev, Senior Research Fellow, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities; Senior Lecturer, Faculty of the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

E-mail: smatveev@hse.ru